

Д.А. Редин

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СТАТУС УРАЛЬСКИХ
ДИСТРИКТОВ КОНЦА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.
(предварительные наблюдения)***

В историографии петровских реформ любой сюжет – проблема. Авторы рознятся не только в оценках и интерпретациях, но даже в изложении тех или иных событий. Реформа системы местного управления, начатая в конце второго десятилетия XVIII в., так называемая вторая областная, или провинциальная реформа – пример такого рода. Она кажется логически стройной и понятной только в рамках учебного курса; более или менее пристальное обращение к ее истории убеждает, что наши знания о ней как минимум противоречивы и не укладываются в упорядоченную систему.

Еще в XIX в. историки отмечали существенные различия между законодательно предписанными образцами создаваемых местных учреждений и реально воплотившимися структурами петровского времени. Но если бы проблема заключалась только в этом! В конце концов история России изобилует примерами несоответствия законодательных норм их практической реализации. Исследователи, помня об этом обстоятельстве, научились воссоздавать так или иначе цельную и правдоподобную картину прошлого. В эпоху же петровских реформ (и это, наверное, их характерная черта) несоответствие между образцом и действительностью усугублялось несовершенством самого образца и разнообразностью действительности. С одной стороны, сам преобразователь, зачастую, не имел окончательного и внятного представления о том, что и как он хотел создать. С другой стороны, изначально несовершенные нормы искажались в ходе их практического воплощения в каждом регионе России по-своему. Это обстоятельство крайне затрудняет исследование в том числе и уже упомянутой областной реформы 1719–1724 гг.

Несмотря на то, что редкий автор, писавший о петровском царствовании и мероприятиях той поры, не касался того или иного аспекта этой реформы, и несмотря на то, что ей посвящены специальные труды, мы не найдем на сегодняшний день единого ответа даже на самый, казалось бы, элементарный вопрос о том, какую административно-террито-

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования РФ. Грант в области гуманитарных наук Г 02-1.2-27.

риальную систему получила Россия в ходе ее реализации. Если попытаться суммировать и систематизировать основные мнения, высказанные на этот счет в литературе, то они, как кажется, сгруппируются в три схемы:

Административно-территориальное деление России было трехчленным: *губерния-провинция-дистрикт*.

Административно-территориальное деление России было двухчленным: *провинция-дистрикт*, поскольку губерния, по существу, утратила статус полноценной административной инстанции, превратившись в своеобразный военный или военно-судебный округ.

Административно-территориальное деление России было четырехчленным: *губерния-провинция-уезд-дистрикт*.

Независимо от того, к какой схеме склоняется авторское предпочтение, следует признать, что наиболее неясным статусом в новом делении обладал дистрикт. Исследователи много и охотно полемизировали относительно более крупных единиц: губернии и провинции, об их месте и роли в общей системе территориального деления и управления, о сфере компетенции должностных лиц и учреждений, соответствовавших губернскому и провинциальному уровням, их управленческой соотнесенности друг другу и центральным учреждениям и т.п. Обращаясь к истории возникновения дистриктов и административной деятельности чиновников дистриктного уровня, историки чаще просто констатировали их наличие, отмечая тот факт, что дистрикты заняли место прежних уездов в общей иерархии областных структур. Но стоит лишь попытаться соотнести дистрикт с уездом, как картина теряет свою ясность. Действительно ли дистрикты пришли на смену уездам (наиболее категорично это утверждение сформулировал В.О. Ключевский¹), или они сосуществовали с последними (на что указывал М.М. Богословский, отмечая поразительную живучесть старой уездной системы и Ю.В. Готье, прямо писавший о том, что старое управление – допетровское – никогда «не умирало вполне...как не умирал и уезд, несмотря на оттеснявшие его петровские доли и дистрикты»²)? А если дистрикт и уезд сосуществовали, то в каком отношении они находились друг к другу: иерархическом (например, дистрикт – более мелкая по сравнению с уездом единица, как полагает А.Б. Каменский³), равном или нейтральном? Одинаков ли круг прав и обязанностей дистриктных и уездных должностных лиц? У меня нет ответов на эти вопросы, но некоторые предварительные наблюдения, сделанные на основе урало-сибирского материала, может быть окажутся небесполезными в последующих усилиях по изучению областной реформы последних лет петровского царствования. Обращение к региональному материалу оправданно также и тем, что

подавляющее большинство работ, посвященных преобразованиям первой четверти XVIII в., по-прежнему базируются на источниках центрально-русского или севернорусского происхождения, а значит по-прежнему остается актуальным девяностолетней давности замечание Ю.В. Готье, признававшего, что «особенности строя каждой из...областей (России. – Д. Р.) нуждаются в отдельном монографическом изучении и вполне его заслуживают»⁴.

Дистрикт – низшая административно-территориальная единица в общей системе областного деления, предложенного Петром I в 1719 г.

Это, пожалуй, единственное, что можно сказать о нем с полной определенностью. Главным образом исходя из этого, большинство историков было склонно видеть административным предшественником дистрикта уезд. Однако, замышляя новую реформу местного управления, Петр и его соратники, занимавшиеся ее разработкой, не брали в расчет традиционные схемы. Ныне общеизвестно, что образцом провинциальной реформы послужила система шведского административно-территориального деления. Как было установлено еще в начале XX в., в том числе М.М. Богословским, прототипом русского дистрикта был выбран шведский герат (герад), а само название – дистрикт, заимствовано из практики восточнобалтийских провинций Шведского королевства. Важной чертой шведской системы местного управления, отличавшей ее от принятой в допетровской Руси (помимо разделения административной и судебной властей), являлось то, что в ее основу был положен количественный критерий – численность населения на территориальную единицу. Приблизительно равное число налогоплательщиков в административных образованиях равного ранга способствовало более эффективному функционированию податной системы и позволяло поддерживать высокий уровень обеспечения вооруженных сил, находившихся, в массе своей, на прямом содержании населения. Нечего говорить, насколько подобный пример импонировал русскому царю. Попыткой перевести административно-территориальное деление России на «рациональное статистическое основание» можно считать учреждение так называемых ландратских долей (структурных территориальных губернских подразделений), предпринятое с 1715 г. Таким образом, если шведский герат являлся по отношению к дистрикту, так сказать, теоретическим прототипом, то реальным прототипом дистрикта стала недолго предшествовавшая ему ландратская доля. Определенную преемственность между ландратской долей и дистриктом заметил М.М. Богословский⁵, но весьма важное значение его наблюдения почему-то оказалось забыто последующими историками. Принципиально же в замечании Богословского имен-

но то, что при первоначальной разработке нового областного законодательства уезд, вероятно, не рассматривался вовсе, в том числе и в качестве юридического предшественника дистрикта.

Но уже на стадии подготовки реформы замыслы ее творцов стали претерпевать существенные изменения. Первое, с чем столкнулись разработчики – проблема определения оптимального количества тяглых дворов, заключенных в дистрикт. Шведский герат, объединявший что-то около 1 тыс. дворов, в российских масштабах был неприменим; полное копирование его в качестве расчетной модели привело бы к слишком дробной системе низшего деления. Большие ландратские доли, замышлявшиеся в свое время как объединения, в среднем, 5,5 тыс. дворов на долю, оказались нежизнеспособными. Рациональные планы, питаемые мечтами о правильной и эффективной системе податных сборов, разбивались о непреложный факт: Россия оставалась страной с очень большой территорией и относительно малочисленным и крайне неравномерно распределенным населением. Предложения Генриха Фика, основного «теоретика» провинциальной реформы, свели количество дворов в дистрикте к 3–4 тысячам. В конечном итоге сенатским определением эта цифра была снижена до 2 тыс.; реально она колебалась в обе стороны, и порой весьма значительно.

Второй проблемой стал вопрос о составе и полномочиях лиц дистриктной администрации. В ноябре 1718 г. в именном указе на примере Петербургской губернии был дан штат местного управления «против шведского (или что переправя)». В новой административной номенклатуре девятым пунктом значилась должность ланд-комиссара, или земского комиссара, как пояснялся смысл этого заимствованного наименования⁶. А в январских инструкциях 1719 г. земский комиссар был отнесен уже не к губернскому, а к самому низшему уровню, став поднадзорным и подотчетным начальнику провинции. При этом начальник провинции получил должностное наименование воеводы и власть его распространялась на несколько уездов, входивших в состав провинции, а земский комиссар оказался ограничен в своей службе рамками одного уезда. Именно уезда, а не дистрикта: «Земского комиссара главнейшая должность состоит, чтоб он, в поверенном ему *уезде*...»⁷. Запутавшись в шведских и остзейских терминах и в попытках соотнести их с традиционными русскими наименованиями, законодатель вернулся к понятию «уезд», пытаясь яснее очертить круг административной компетенции главы низшего территориального образования. Казалось бы тем самым иерархия местного управления стала обретать прежние, узнаваемые черты. Провинция, состоящая из нескольких уездов, вероятно, могла напомнить

подданным «всех чинов» существовавший в не таком уж далеком прошлом разряд. Провинцией управлял воевода и его роль и место были тоже понятны по аналогии с разрядными, «большими» воеводами. Возвращалось понятие уезда, что и вовсе не требовало пояснений. Наверное и название должности уездного начальника – земский комиссар – не очень смущало народные умы: до этого несколько лет кряду уездами руководили коменданты, остававшиеся по существу теми же воеводами. А название... Что ж, на то государева воля. Может быть рядовые подданные короны примерно так и восприняли очередные новшества.

Но сам государь, несмотря на частичное употребление старых названий, не собиравшись полностью отказываться от задуманной им перестройки местного управления. Окрестив уездных управителей земскими комиссарами, Петр не просто сменил наименование. Он изменил статус должностных лиц этого уровня, закрепив перемену, так сказать, вербально. Отказав уездному начальнику в прежнем, освященном вековой административной традицией наименовании, царь указал на новый, более скромный ранг этой должности. По букве и духу «Инструкции земским комиссарам» видно, что они в предельной степени должны были стать лишь механическими исполнителями воли центральной власти.

Круг их обязанностей огромен, первейшая среди них – неукоснительный, полный и своевременный сбор налогов. Полномочий же и возможностей для выполнения этих обязанностей устанавливалось крайне мало. Инструкция постоянно напоминает: «Ты должен», но не поясняет, какими способами. Юрист сказал бы, что данная Инструкция состоит, по преимуществу, из обязывающих норм права. Называя же округ земского комиссара уездом, Петр, похоже, делал это, так сказать, из дидактических соображений, для того, чтобы до понимания его подданных, в том числе и будущих земских комиссаров, лучше дошло осознание административных границ деятельности последних. Характерно, что термин «дистрикт» вовсе не исключался из канцелярского лексикона и не покидал страниц официального делопроизводства. Другое дело, что чем ближе подходил срок реального формирования дистриктов, тем больше терялось их сходство с зарубежным прототипом; они конструируются не то чтобы «против шведского», а все больше по принципу «или так переправя». Но вот что?

«Округом земского комиссара был дистрикт», – писал Богословский.

«Нам не удалось, – продолжал ученый, – найти указаний, как и какими учреждениями было произведено расписание провинций на дистрикты на практике, местными или центральными. [...] Иногда уезд

дробился на несколько дистриктов [...] Иногда, но в гораздо более редких случаях...по два небольших уезда соединялись в один дистрикт. [...] Но значительное число уездов совпало с новыми дистриктами, не подвергаясь переменам...»⁸. История создания дистриктов на Урале, административно входившем в петровское время большей частью в состав Сибирской губернии, подтверждает, а во многом и дополняет, корректирует картину, описанную в вышеприведенной цитате.

Прежде всего замечу, что как и Богословскому, мне не удалось пока обнаружить прямых указаний на то, как были расписаны на дистрикты сибирские провинции. Но, думаю, логичным будет предположить, что эта миссия была возложена на тобольские губернские власти. Именным, состоявшимся в Сенате, указом от 29 мая 1719 г. определялись количество и состав провинций в каждой из российских губерний. При этом провинциальная структура Сибирской губернии оказалась оформленной не до конца: в две провинции – Вятскую и Соликамскую – укомплектовали только ее западные города и уезды. Собственно сибирские города, в том числе города Среднего Урала и Зауралья тем же указом повелевалось расписать на провинции местному губернатору кн. А.М. Черкасскому⁹. Но уж коли центр доверял Tobольску довершить провинциальное деление Сибири, стал бы брать на себя Петербург разделение сибирских провинций на дистрикты? Скорее всего, нет. Если это предположение верно и формирование дистриктов легло на губернские власти, то похоже, что в Tobольской губернской канцелярии не намеревались усложнять поставленную задачу: в первую очередь в дистрикты автоматически переименовывали прежние уезды. В то же время, в течение первой половины 1720-х гг. на некоторых пограничных, административно слабо освоенных землях, например, в Южном Зауралье, ряд дистриктов пришлось формировать, что называется, «с нуля». К таким дистриктам относились Ялуторовский и Краснослободский, выкроенные из слобод Верхотурского и Тюменского уездов, а также Шадринский и Окуневский, находившиеся, по существу, на границе с ногайскими и башкирскими кочевьями. За бывшими уездами наименование дистриктов закреплялось плохо. Эти образования на равных основаниях могли называться в делопроизводственной переписке тех лет то дистриктами, то уездами. Практически не прижилось употребление слова «дистрикт» к территориям, «тянувшим» к Верхотурию, Кунгуру, другим старым городам. За Верхотурьем, этим старинным и исключительно важным в управленческой иерархии центром, прочно осталось наименование «уезд», а его глава, похоже, совершенно официально пользовался прежним званием воеводы, что выделяло его (хотя бы «на слух») среди остальных на-

чальников низового территориального звена. И наоборот, административно-территориальные образования низшего уровня, возникшие в ходе проведения провинциальной реформы и имевшие своими центрами сельские поселения или населенные пункты, недавно получившие статус города (как Шадринск, например), всегда назывались дистриктами, а их начальники, в полном соответствии с новыми инструкциями, пребывали в должности земских комиссаров. Формально между дистриктами – бывшими уездами и новообразованными дистриктами разницы не было. Но на каком-то неуловимом и официально почти неосязаемом уровне можно, порой, ощутить несколько более высокие притязания и более властное поведение бывших уездных воевод в сравнении с их собратьями, руководившими местными дистриктами. Во всяком случае такая мысль приходит в голову при анализе действий верхотурского воеводы.

Но в годы реализации провинциальной реформы, хотя и не в прямой связи с ней, на Среднем Урале появились дистрикты другого рода. Сам факт существования этих дистриктов известен всем, кто так или иначе занимался историей становления системы ведомственного горнозаводского управления на Урале. Но, по большому счету, никто специально не останавливался на обстоятельствах, приведших к формированию в рамках этой системы административно-территориальных единиц с названием «дистрикты» (назовем их для ясности «горнозаводскими дистриктами»). Нельзя также сказать, что кого-то особенно занимал их статус, рассмотренный в общем контексте реформы местного управления Сибири в 1720-х гг.

В самых общих чертах историки-ураловеды сообщают, что горнозаводские дистрикты объединяли селения государственных крестьян, приписанных к заводам. Поясняя место горнозаводских дистриктов в управленческой иерархии Урала первой четверти XVIII в., И.В. Побережников, например, указал на то, что так называемое «Екатеринбургское ведомство», «административно-территориальная единица отраслевого подчинения... которое являлось своеобразной “горнозаводской провинцией” в составе Сибирской губернии», подразделялось на дистрикты¹⁰. Солидарен с вышеприведенным и другой современный автор, Н.С. Корепанов. Он также пишет о том, что Екатеринбургское ведомство составляло особую административную единицу, входившую в состав Сибирской губернии на правах провинции, которому подчинялись (в административно-хозяйственном отношении) не только заводы восточного склона Уральских гор («Сибирские»), но и Пермские, лежавшие на западных склонах хребта, на территории Казанской губернии. Екатеринбургское ведомство делилось на дистрикты, а дистрикты «формиро-

вались из крестьянских слобод»¹¹. Оба этих близких друг другу описания справедливы, но слишком лаконичны, чтобы дать исчерпывающую картину соотношения горнозаводских дистриктов с «гражданскими» и с вышестоящими учреждениями ведомственного и общего подчинения. Не раскрывают они мотиваций, приведших к созданию горнозаводских дистриктов, механизмов их формирования, роли и статуса чиновников, служивших в этих образованиях и многого другого. Само собой разумеется, что высказанное замечание не является упреком названным авторам, которые и не задавались целью отвечать на эти вопросы, развивая в своих работах другие сюжеты. Равным образом не стремился к этому и другой уральский историк, Э.А. Пензин, известный своими трудами по изучению главных учреждений регионального горнозаводского управления. Тем не менее, реконструируя круг компетенции Сибирского обер-бергамта и его внутреннее устройство, он не только отметил факт наличия горнозаводских дистриктов, но и в общем описал штат земских дистриктных контор – руководящих органов этих ведомственных административно-территориальных образований. По сведениям Э.А. Пензина их штат состоял из 6–8 человек, включая приказчика (управляющего дистриктом), мостового, 2–3 канцелярских служащих (подьячих) и 2 сборщиков налогов¹². Следует отметить, что все названные авторы зафиксировали систему горнозаводского управления Урала в более или менее сформировавшемся виде. Но самое начало ее организации, совпавшее по времени с началом практического воплощения провинциальной реформы, остается малоисследованным. В то же время очевидно, что становление горнозаводского управления заслуживает более пристального внимания, поскольку это управление придало особый региональный колорит реализации провинциальной реформы и всему административно-территориальному делению края.

Идея формирования горнозаводских дистриктов, как и первые меры по их созданию, принадлежали В.Н. Татищеву. Направляя артиллерийского капитана на Урал для развития металлургического производства, Берг-коллегия и не предполагала, что его деятельность выйдет за рамки собственно производственных забот. Может быть поэтому статус и права В.Н. Татищева были весьма скромны: по существу он являлся хозяйственным уполномоченным, комиссаром Берг-коллегии, вынужденным в своих действиях опираться на помощь местных административных структур. Снабженный коллежскими указами к воеводам провинций Казанской и Сибирской губерний, которым предписывалось оказывать ему всяческую помощь, В.Н. Татищев отправился к месту службы. Однако с самого начала стало ясно, что организация горнозаводских

мануфактур не является делом чисто технического, хозяйственного характера. Обеспечение строительства заводских сооружений и самого производственного процесса (особенно вспомогательного цикла) трудовыми ресурсами требовало массовых мобилизаций местного крестьянства. Возникавшие в ходе заводского действия разнообразные конфликтные ситуации требовали оперативного административного, а порой и судебного вмешательства. Функционирование мануфактур было невозможно без достаточного обеспечения транспортом, продовольствием и фуражом.

Ни того, ни другого, ни третьего невозможно было добиться, располагая ограниченными правами хозяйственного распорядителя. В то же время местные гражданские власти встретили деятельность В.Н. Татищева весьма прохладно. Они не были склонны оказывать горной администрации активное содействие, к чему их побуждали указы Берг-коллегии. Известно, что наибольшие проблемы возникали с присылкой крестьян на заводское строительство, но не только в связи с этим. Вятский провинциальный воевода полковник В.И. Чаадаев, например, запрещал своим подчиненным выделять фураж и дрова на нужды горных комиссаров. Сибирский губернатор кн. А.М. Черкасский грозно предупреждал о недопустимости осуществления судебных функций татищевскими уполномоченными. Кунгурский земский комиссар Г. Попов, ссылаясь на уже упомянутого воеводу В.И. Чаадаева, препятствовал горным властям в использовании местных канцелярских кадров¹³. Анализируя причины неприязненного отношения гражданских чиновников к представителям горнозаводского ведомства, я, в свое время, счел возможным выделить среди них две, видимо определяющих. Во-первых, немалую роль играла своеобразная бюрократическая ревность: появление ведомственных властных структур (в лице горного начальства) объективно посягало на часть полномочий губернских и провинциальных канцелярий. Во-вторых, массовое привлечение населения к заводским работам запутывало систему сбора прямых податей, создавая дополнительные сложности провинциальным чиновникам¹⁴. С крестьян, занятых на тех или иных работах, связанных с заводами, нельзя было взимать подушных денег. Полагалось, что заводские отработки зачитывались им за общие платежи, а Берг-коллегия напрямую вносила соответствующие денежные суммы в Камер-коллегию. Однако механизм подобного зачета с трудом воспринимался местными чиновниками. Ответственные перед центром за хронические недоимки и имевшие свои «контрольные» цифры сборов, они видели только одно: крестьяне, занятые на мануфактурах, становились непригодными плательщиками на своих «тяглых местах». Это, по

мнению гражданских властей, портило их отчетные налоговые показатели и, в свою очередь, создавало почву для конфликтов с горной администрацией.

Вынужденный в таких условиях выполнять поставленные задачи, В.Н. Татищев начал, что называется, «локтями» расчищать себе место в системе территориального управления. Поскольку горному начальству было недостаточно «ведать» только заводами и рудниками, но необходимо было стать полновластным хозяином населения тех территорий, на которых располагалось производство, постольку следовало организовать систему ведомственного административно-территориального деления.

В непосредственном подчинении Татищева и созданного им Сибирского высшего горного начальства находились казенные заводы – единственная опора горной власти на территориях. Управление этими предприятиями возглавляли заводские комиссары. Пределы их компетенции ограничивались собственно мануфактурой и связанным с ней производственным процессом. В ходе выполнения технических операций под властью заводских комиссаров оказывались и приписные крестьяне – жители окрестных слобод и деревень. Но вне заводского процесса приписные, будучи по своему юридическому статусу государственными крестьянами, выходили из подчинения заводским властям. Их непосредственными управителями становились слободские приказчики, назначавшиеся уездными воеводами из местной служилой мелкоты и подведомственные гражданскому руководству. Для В.Н. Татищева было крайне важным подчинить себе слободских приказчиков: это давало бы ему возможность распоряжаться приписными как в процессе производства, так и вне его, что снимало проблему мобилизации рабочей силы. Поначалу главный командир (как официально именовалась должность Татищева) пытался делать это явочным порядком¹⁵. Но подобные действия не гарантировали устойчивого контроля над слободскими приказчиками и в зависимости от ситуации могли вызвать сопротивление местных властей. Нормативная база, определенная Берг-коллегией, не давала легальных оснований для столь широкой трактовки полномочий горного начальства. Тогда Татищев, хорошо ориентировавшийся в текущем законодательстве, решил воспользоваться возможностями, предоставляемыми самим процессом реорганизации местного государственного управления. Он подвел под свои планы необходимую законодательную основу простым и изящным административным ходом, начав создавать дистрикты *ведомственного подчинения*. Первый из них – Уктусский – появился в конце 1721 г.

Опираясь на силу «Инструкции, или наказа земским комиссарам в губерниях и провинциях» 1719 г., приказом от 23 декабря 1721 г. начальник горного ведомства определил дворянина Степана Неелова *земским комиссаром* на Уктусские заводы. В соответствии с упомянутой инструкцией комплектовался управленческий штат новоучрежденного дистрикта в составе земского писаря (в должность которого был назначен Кирилл Хамкин), подчиненного комиссара (бывший заводской казначей Федор Каченовский), мостового комиссара (Василий Томилов), подьячего и всех сборщиков податей из слобод, приписанных к Уктусским заводам. В подтверждение нового статуса и для текущего руководства, наряду с цитированным определением, В.Н.Татищев отправил С. Неелову копии Инструкций земскому комиссару и земскому писарю, а также «все указы и копии, которые к тем делам принадлежат, присланные из Сибирской губернии». Поясняя основные обязанности уктусского земского комиссара, Татищев писал: «Тебе ж управлять и высылку на заводы работных людей по требованиям заводских комиссаров, и за работу, по письмам их, крестьянам зачитать в подати по наказу, и по оным инструкциям крестьян описав и обложа подать[ю], [принять] ведение немедленно». Тем же документом закладывалась основа еще одного горнозаводского дистрикта – Алапаевского. Иван Аврамов, назначенный на Алапаевские заводы в заводские комиссары, должен был отныне «ведать и земские дела»; таким образом его административный статус повышался до уровня земского комиссара. В помощь Аврамову следовало выбрать земского писаря из слободских подьячих. Подчиненным комиссаром в алапаевский дистрикт Татищев направил сына боярского Афанасия Чернышева, бывшего приказчика Невьянской слободы, мостовым – сына боярского Гавриила Албычева; при новой администрации действовали и сборщики податей из слободских подьячих¹⁶.

Таким образом, сформированные В.Н. Татишевым Уктусский и Алапаевский дистрикты внешне в точности напоминали дистрикты общегражданского управления. Возможно поэтому тобольские губернские власти не пытались в принципе оспорить распоряжения горного командира. Ведь он, в известной степени, выполнил за них их собственные обязанности, продолжив процедуру разделения провинции на дистрикты. Кроме того, по букве и духу законодательства о новом административно-территориальном устройстве, земские комиссары были подчинены в вопросах податных сборов земскому камериру, главе земской конторы камерирского правления, учреждению провинциального уровня (в нашем случае находившейся в Тобольске). Да и в судебном отношении губернский центр оставался волен назначить в дистрикты, в том числе

и в горнозаводские, судей. В общем, губернская канцелярия недооценила важности татишевских преобразований и не усмотрела в них стремления к излишней самостоятельности. Зато генерал-майор В.И. Геннин, фактически сменивший В.Н.Татищева в должности горного командира весной 1722 г., понял всю значимость административных исканий своего предшественника для укрепления и уточнения ведомственной властной компетенции. Несмотря на свой крупный воинский чин, новый главный командир изначально не обладал большими возможностями по сравнению с Татишевым. Правовая основа его деятельности определялась нормами Берг-привелегии 1719 г. и именными (письменными и устным) указами и инструкцией Петра I. Хотя обязывающая сила именного указа была гораздо выше, чем у коллежского, следует признать справедливым замечание А.И. Юхта о том, что «практическая значимость указанных документов была невелика»¹⁷. Наиболее откровенно отношение местных властей к полномочиям де Геннина высказал казанский губернатор А.П. Салтыков. Отказавшись послать распоряжение подчиненным воеводам содействовать генералу, он заявил, «что губернию в команду ему не даст»¹⁸. Вилим Иванович, еще до отъезда на «сибирские заводы» изучивший положение дел, вероятно, осознавал, что реальной опорой в его деятельности может стать только ведомственная административная структура, созданная В.Н. Татишевым. Но ее следовало расширить и упрочить. По его мнению, в непосредственном подчинении горного ведомства по отраслевым вопросам должны были находиться не только земские комиссары созданных горнозаводских дистриктов, но и воеводы (земские комиссары) уездов (дистриктов), на территории которых велось заводское строительство: Вятского, Соликамского, Кунгурского и Верхотурского. В течение зимы – лета 1723 г. де Геннин неоднократно ставил этот вопрос в рапортах на имя кабинет-секретаря Петра I А.В. Макарова¹⁹. Но центральные власти не пошли на удовлетворение настойчивых просьб генерала, вероятно, по причине их чрезмерного радикализма. Они ограничились рассылкой в местные губернские и провинциальные канцелярии очередных указов, в которых «паки» и «наикрепчайше» предписывалось выполнять требования де Геннина, без замедления снабжая его людьми и «протчим потребным».

Не добившись искомого, главный командир вновь обратился к собственным структурам. В течение 1723 г. расширилось количество горнозаводских дистриктов. К прежним добавились Камышловский, Каменский и Арамильский. Намереваясь упрочить свою власть над ведомственными территориальными образованиями, В.И. Геннин реорганизовал главное горное начальство. Переименованное в Сибирский обер-

бергамт, оно, по замыслу руководителя, должно было превратиться в учреждение провинциального ранга. Уже в «Табели» ноября 1723 г. – первом штатном расписании обер-бергамта, предусматривалась должность камерира²⁰. Это была явная претензия на переподчинение земских комиссаров горных дистриктов отраслевому руководству и в вопросах налогообложения. Полагая сосредоточить административную, судебную и финансовую власть над приписными территориями в руках своего ведомства, генерал-майор де Геннин к концу 1723 – началу 1724 г. организовал целый ряд подчиненных обер-бергамту структур, еще больше придавших последнему провинциальный статус, среди которых особо следует отметить казенную контору во главе с казначеем (фактически, аналог провинциальной рентереи с рентмейстером) и земскую контору, ведавшую общим управлением горнозаводскими дистриктами. В дальнейшем земская контора, пройдя ряд административных трансформаций, превратится в знаменитую Екатеринбургскую контору судебных и земских дел – главное судебное ведомство для горнозаводского населения Урала. Все эти преобразования давались В.И.Геннину с большим трудом. Спыхватившаяся губернская администрация поняла, что затея с отраслевыми дистриктами и прочими учреждениями подобного рода уводит из-под общей юрисдикции слишком большой объем власти. Борьба неутомимого голландца за укрепление положения горных структур в местной административной иерархии заслуживает отдельного и подробного повествования. Но развитие этого сюжета сильно отклонило бы нас от основной темы статьи. Поэтому будет достаточным отметить только то, что, несмотря на недовольство действиями горного командира, Тобольск вынужден был признать особый статус горнозаводских дистриктов.

Так, например, разбираясь с одним из судебных дел по пристанодержательству, где в качестве обвиняемого фигурировал сын боярский Прокофий Булдаков (ошибочно принятый при возбуждении дела за слободского приказчика Алексея Булгакова), Тобольский надворный суд попытался через верхотурского воеводу взять процесс в свои руки. Однако же, «по справке в Верхотурской канцелярии по присланному... указу ис Тоболска (!) вышенаписанная Камышловская и другие пышминские слободы (территория, на которой проживал обвиняемый. – Д.Р.) отданы к Уктусским заводам под ведение... генералу-мазору Геннину. А на Верхотурье те слободы *ни в чем ведать не велено*». В результате Тобольская губернская канцелярия признала подсудность дела горнозаводским властям, хотя и частично, на стадии следствия, а не вынесения приговора. Тем не менее автономный характер административно-территориальных

образований отраслевого подчинения был с оговорками, но подтвержден²¹.

Рассмотрев причины и механизм создания горнозаводских дистриктов, необходимо остановиться на последнем вопросе: были ли они по своему административному статусу равны дистриктам общегражданского подчинения? Думается, что на это следует дать отрицательный ответ. Несмотря на внешнее сходство означенных образований, их сущность содержала много различий. Прежде всего надо отметить гораздо большую зависимость горнозаводского дистрикта и его руководства от непосредственного начальства. Земский комиссар (воевода) гражданского дистрикта не был прямо подчинен провинциальному воеводе или губернатору. Само назначение и смещение главы этого территориального образования находилось в ведении центрального учреждения – Камер-коллегии. Связь земского комиссара (воеводы) с вышестоящим местным руководством была опосредованной. Провинциальный воевода (губернатор, вице-губернатор) в соответствии с законом мог осуществлять лишь общий административный надзор за деятельностью земского комиссара. Пользуясь точным текстом «Инструкции, или наказа воеводам» 1719 г., провинциальный начальник должен был «смотреть накрепко над представленными к делам», в том числе – над земскими комиссарами, «дабы оные...свое управление по данному им инструкциону исполняли, и о неисправностях им припоминать. А буде кто из них сим не удовольствуется, тех отсылать к штрафованию в Камер- и Штатс-Контор-коллегии...»²². Правда, земский комиссар непосредственно подчинялся другому лицу провинциального ранга – земскому камериру. Но ведь и земский камерир не был подчинен провинциальному воеводе (губернатору), а являлся местным уполномоченным все той же Камер-коллегии.

Что касается земских комиссаров горнозаводских дистриктов, то они изначально оказались в самой жесткой зависимости от непосредственного начальства: главного командира, обер-бергамта, земской конторы обер-бергамта. Отраслевые начальники не только назначали их на должность, но и в дальнейшем по собственному усмотрению руководили их служебным передвижением²³. И если в самом начале 1720-х гг. тобольский земский камерир пытался распространить на них свою власть в вопросах налогообложения, то с возникновением земской и казенной контор при обер-бергамте все податные и финансовые дела окончательно ушли из ведения гражданской провинциальной администрации.

Статусные различия обнаруживаются даже во внешних проявлениях. Канцелярия земского комиссара в гражданском дистрикте (уезде) не имела предписанного нормативами наименования. В дистриктах –

бывших уездах – такая канцелярия чаще всего именовалась по старинке: приказная изба, приказная палата или воеводская (уездная) канцелярия. Присутствие земского комиссара горнозаводского дистрикта в делопроизводственной документации проходит под названием «земская контора». Однако же под аналогичным названием в законодательстве и делопроизводстве тех лет фигурирует еще одно учреждение, гораздо более высокого, провинциального уровня, подчиненная земскому камериру (отсюда вариации: земская контора камерирского правления, земская камерирская контора, земская контора камерирских сборов). Что же заставило организаторов горнозаводских дистриктов назвать низшую административную канцелярию подобно канцелярии влиятельного провинциального учреждения? Думается, что определяющим в этом стало не претенциозное (и, в общем-то, нелепое) стремление вербально подчеркнуть какой-то особый статус горнозаводского дистрикта. Логика в выборе названия была иной и совершенно не связанной с ономастикой провинциальных учреждений. От горнозаводского дистрикта слишком вяло духом породившей его крестьянской слободы, а потому источником именования горной дистриктной канцелярии послужила, скорее всего, земская изба – орган крестьянского (слободского) самоуправления. В этой связи характерны формулировки, встречающиеся и в крестьянских челобитных, и в официальной документации начала 1720-х гг. Они отражают отношение современников к новообразованным администрациям, к непривычному звучанию новых должностных наименований, к восприятию новых терминов, скрывающих старые явления. «Послано к нам из Арамильской слободы из земской конторы...» – пишут сотники Белоярской и Пышминской слобод Уктусского дистрикта жалобу на земского комиссара С.Неелова. «...Послать в Каменский дистрикт к земскому прикащику указ...» – фиксирует в протоколе заседания подьячий Сибирского обер-бергамта²⁴. В представлениях населения ведомственная дистриктная администрация никак не дотягивает до уровня администрации гражданских дистриктов. Последние – воеводы, как их не назови; большинство из них сидит в старых уездных городах, и уже это внушает почтение крестьянам²⁵. А первые, несмотря на звание комиссаров, так и остались слободскими приказчиками²⁶.

Различия между дистриктами двух категорий окончательно установились в конце 1720-х гг. После очередной реформы местного управления 1727 г. дистриктам общегражданского подчинения был возвращен статус уездов, а их начальникам – полномочия и прежнее наименование воевод. Это касалось и старых дистриктов, и тех, которые были учреждены в ходе провинциальной реформы. Горнозаводские же дистрикты так

и не получили прав полноценных уездов, замкнувшись в ведомственной структуре отраслевого управления²⁷. И если Екатеринбургское ведомство действительно превратилось в структуру, равную по рангу провинции (губернии), то составляющие его административно-территориальные единицы с очень большой натяжкой могут быть признаны отраслевыми аналогами уездов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. В 2-х кн. Переизд. Минск; М., 2000. Кн. 2. С. 480–482.

² *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. I. С. 46.

³ *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в.: Опыт целостного анализа. М., 2001. С. 138.

⁴ *Готье Ю.В.* Указ соч. С. 6.

⁵ *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902. С. 50–51.

⁶ ПСЗ. Т. 5. № 3244.

⁷ Там же. № 3295. Здесь и далее курсив мой. (*Д. Р.*).

⁸ *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 146–147.

⁹ ПСЗ. Т. 5. №. 3380. Тем же числом датируется и другой именной указ, объявленный из Сената. Он адресован непосредственно кн. А.М. Черкасскому, назначенному Сибирским губернатором и повторяет тот же приказ: расписать «сибирские городы» на три провинции и определить в них начальниками лиц в ранге вице-губернаторов. Право отбора кандидатов на эти должности царь оставил за Черкасским. В ПСЗ этот указ помещен раньше цитированного под № 3378.

¹⁰ *Побережников И.В.* Урал в XVIII–XIX вв.: Эволюция административно-территориального устройства // Эволюция административного устройства и управления в России: Историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001. С. 35.

¹¹ *Корепанов Н.С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 3-е изд. Екатеринбург, 2001. С. 9–10.

¹² *Пензин Э.А.* Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала в первой половине XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: История, историография, источниковедение. Свердловск, 1986. С. 113.

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 41–41 об., 79–79 об., 228–228 об. Конфликты по поводу неприсылки крестьян на заводские работы возникали и позднее, уже при В.И. Геннине. В мобилизации рабочей силы отказывали горным властям соликамский провинциальный воевода кн. Н.М. Вадбольский, земские комиссары Шадринского и Окуневского дистриктов Толбузин и Бухвалов. См.:

Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 49; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 71–71 об.

¹⁴ *Редин Д.А.* Генерал де Геннин – князь Козловский: к истории межведомственного конфликта 1723–1724 гг. // Русские сторожины. Мат-лы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2000. С. 316.

¹⁵ Так, например, по приговору В.Н. Татищева был наказан батогами приказчик Мурзинской слободы сын боярский В. Стадухин, виновный в ненадлежащей передаче дел своему преемнику Е. Аврамову, бывшему подьячему Верхотурской приказной избы. И Владимир Стадухин, и Ефрем Аврамов назначались на должность слободского приказчика указами верхотурских воевод. Это обстоятельство, однако, не смутило горного командира. Примечательно, что проступок Стадухина вскрылся, благодаря доношению мурзинских мирских выборных, которые предпочли донести не напрямую начальнику приказчика в Верхотурье, а именно В.Н. Татищеву ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 214–216).

¹⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3122. Л. 1–1 об.

¹⁷ *Юхт А.И.* Государственная деятельность В.Н. Татищева... С. 49.

¹⁸ *Геннин В.* Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / Сост., авт. вступит. статьи и ком. М.О. Акишин. Екатеринбург, 1995. Док. №17. С.66.

¹⁹ Там же. Док. № 17. С. 67; 22. С. 88; 26. С. 105.

²⁰ *Лензин Э.А.* Сибирский обербергамт... С. 112–113.

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 8–8 об.

²² ПСЗ. Т. 5. № 3294, п. 24.

²³ Степан Неелов, назначенный В.Н. Татищевым первым земским комиссаром Уктусского дистрикта, в дальнейшем получал назначения от В.И. Геннина. Возможно, что в конце 1722 или в начале 1723 г. он возглавлял Арамилский дистрикт (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т.1. Л. 2–3), а с конца 1723 г. стал руководить земской канторой Сибирского обер-бергамта (*Лензин Э.А.* Указ. соч. С. 113). Сын боярский Яков Вистицкий, управитель Алапаевских заводов, с января-февраля 1723 г. был определен «для управления заводских и земских дел», сменив арестованного за вымогательство и измождение земского комиссара Алапаевского дистрикта И.Аврамова (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 1. Л. 52). Назначенный подчиненным комиссаром в Камышловский дистрикт сын боярский Конон Булдаков, зимой-весной 1723 г. по хатайству С. Неелова был заменен более опытным Ефимом Чернышевым (ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т.1. Л. 48–48 об.). Все эти перемещения производились исключительно по распоряжению В.И. Геннина.

²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 1. Л. 2; Оп. 12. Д. 193. Л. 30 об.

²⁵ И не только крестьянам. Мне известен случай, когда Сибирский обербергамт и верхотурский воевода А. Беклемишев общались друг с другом посредством промеморий, как равные. Правда, это было в отсутствие де Геннина, который не допускал подобного равенства в отношениях с уездными воеводами. Но правда состоит и в том, что де Геннин и сам обер-бергамт рассматривал как нижестоящий орган. Как бы то ни было, но обер-бергамт, учреждение провин-

циального ранга, по идее не должен был ссылаться с дистриктным (уездным) начальником с помощью промеморий. Объяснить этот факт я могу только одним: былой (и, видимо, незабытой) важностью Верхотурья и его воеводы в местной бюрократической иерархии (ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 26 об.).

²⁶ Как показывает делопроизводство первой половины 1720-х годов, подчиненные комиссары горнозаводских дистриктов однозначно были в своих обязанностях ограничены рамками определенной слободы, т.е. по существу выполняли роль слободских приказчиков. Учитывая, что и земские комиссары ведомственных дистриктов рекрутировались из той же социальной среды, в глазах крестьян они никак не могли ставиться в один ряд с земскими комиссарами – бывшими воеводами, сильно уступая последним.

²⁷ Некоторое исключение в этом составляют Алапаевский и Камышловский дистрикты, которые в конце концов трансформировались в полноценные уезды. Но это произошло гораздо позже, в 1780-е гг., когда было учреждено Пермское наместничество, а Алапаевск и Камышлов получили статус уездных городов.

В.А. Ляпин

НОВЫЕ ШТРИХИ К «ПРОИСШЕСТВИЮ 14 ДЕКАБРЯ 1825 г.»

Среди материалов фонда 3 (Артиллерийский департамент Военного министерства) Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи наше внимание привлекло дело, озаглавленное: «Об отпущенной Лейб-гвардии Московскому и Гренадерскому полкам сумме на приобретение оружия и вещей вместо утерянных во время происшествия 14 декабря 1825 г.»¹. «Происшествие», о котором идет речь, конечно же, восстание декабристов. Дело небольшое, несколько листов. Открывается оно предписанием Военного министра Артиллерийскому департаменту, датированным 19 мая 1827 г.: «Господин дежурный генерал Главного штаба от 13 сего мая донес мне, что Государь Император по докладу отношения Его Императорского Высочества командующего Гвардейским корпусом высочайше повелеть соизволил для пополнения недостатков, оказавшихся в полках Лейб-гвардии Московском и Гренадерском по случаю потери во время происшествия 14 декабря 1825 г. разных оружейных, мундирных и аммуничных вещей, в прилагаемой при сем копии ведомости показанных, отпустить из Военного министерства следующие по исчисленным ценам деньги»². Далее следует список утеранных вещей с указанием стоимости каждой и общей суммы, которые мы опускаем: